

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
Пролог	9
1. Обещания	12
2. «Сделаем еврейский фарш»	22
3. Освенцим	32
4. Освобождение	73
5. Галстуки и лампочки любви	81
6. Тайный брак	89
7. «Закрой эту чертову сделку»	100
8. Зигги и Голиаф	108
9. Дойная корова	123
10. Банк, у которого есть сердце	143
11. «Я по-прежнему в Освенциме»	150
12. Вест-Пойнт	156
13. Суперпродавец	164
14. Вот это атлет!	181
15. Что хочу — то и делаю	189
16. «Шмуки» из правительства	203
17. Полуночные расчеты	214
18. Забастовка	226

19. «Миллионы на кону!»	231
20. Музей Холокоста	238
21. Неподобающее поведение	247
22. Непрерывающаяся война	266
23. Неподчинение приказам	283
24. Строгая любовь	292
25. Сохранение памяти	318
26. Мечты о невозможном	330
Эпилог	334
Постскриптум	339
Программа Blue Card	341
Благодарности	342
Хронология	348
Примечания	351
Библиография	365

ПРОЛОГ

Я преподаю историю Холокоста уже более сорока лет и часто приглашаю выживших узников выступить перед моими студентами. Среди них был еврей, выросший в Германии и ставший свидетелем подъема Третьего рейха; еврей, попавший в гетто и рассказавший об ужасах жизни там; еврей, выживший в лагере смерти Освенцим¹ и описавший самую жуткую в мире бойню; еврей, которому удалось спрятаться и который рассказывал о тяжелейшей психологической травме из-за разделения с семьей и необходимости присвоить себе новую личность. Какие бы интеллектуальные задачи ни ставили мои лекции, подобные выступления — это то, что мои студенты всегда помнят лучше всего. Многие из них до того никогда не встречали выживших во время Холокоста, и эти знакомства всегда доходят прямоиком до их сердца.

Эта книга появляется исключительно вовремя: к сожалению, практически все, чьи рассказы о Холокосте наиболее убедительны, уже ушли из жизни. Вот почему видеозаписи интервью, воспоминания и биографии выживших, таких

¹ В этой книге используется традиционное для русскоязычной историографии название комплекса концентрационных лагерей. В мировой практике есть тенденция различать по названию польский город Освенцим и немецкий концлагерь (главный корпус — Аушвиц I, лагерь с бараками, газовыми камерами и крематориями — Аушвиц II, или Биркенау). — *Прим. ред.*

как Зигги Вильциг, столь важны. Всем, кто выжил в Освенциме, как Зигги, всем, кто видел, как людей пытали, избивали и убивали, есть что рассказать; однако эта книга существенно отличается от большинства других воспоминаний и биографий, что добавляет ей значимости: она описывает и деятельность героя после Холокоста. Каково Зигги было перестраивать свою жизнь? Как ему удалось справиться? Каково ему было растить детей, чьи родственники почти все были убиты в концентрационных лагерях? Как он обрел уверенность, чтобы сделать все это? Как он смог вновь научиться радоваться? Мог ли он снова поверить в Бога?

То, что произошло с Зигги после освобождения, — неотъемлемая часть чуда его спасения. Не у каждого из тех, кто выжил в темные времена, были средства для того, чтобы начать с нуля: многие потеряли всё и всех. Зигги восстал из пепла; он не сдавался и неуклонно двигался вперед. Безусловно, как и многие другие бывшие узники, Зигги страдал от эмоциональных травм и имел свои недостатки. В конце концов, он был всего лишь человеком. Однако Зигги надеялся оставить след в этом мире, был полон любви к жизни, стремился внести свой вклад — и все это удалось ему наилучшим образом.

Однако его постоянно беспокоила проблема антисемитизма, из которой вырос Холокост, и возникающих реваншистских настроений. Он был возмущен, подобно любому нормальному человеку, угрозой со стороны отрицателей Холокоста. Он опасался, что из-за их пропаганды люди забудут о прошлом и станут жертвами той ненависти, что лежала в основе Холокоста. К сожалению, как мы видим, опасения Зигги были небезосновательны.

Эта биография знакомит читателя со всеми сторонами исключительно интересной жизни героя и заставляет нас восхищаться его достижениями.

Дебора Липстадт, историк, профессор Института новейшей еврейской истории и изучения Холокоста (Университет Эмори)

ПРОЛОГ

Вероятно, такого бизнесмена, как Зигги Вильциг, больше не будет никогда: это единственный выживший узник нацистских концлагерей Освенцим и Маутхаузен, который бедным и необразованным приехал в Америку и из уборщика фабричных туалетов превратился в CEO котируемой на Нью-Йоркской фондовой бирже нефтяной компании и коммерческого банка с многомиллиардным капиталом. То, что ему удалось добиться такого успеха в двух самых антисемитских отраслях экономики послевоенной Америки, делает его достижения еще более впечатляющими. Большинство руководящих постов в акционерных компаниях открытого типа занимают мужчины, родившиеся в Америке, получившие образование в одном из колледжей Лиги плюща, происходящие из влиятельных семей и имеющие степень MBA.

Зигги был неквалифицированным работником, имевшим лишь начальное образование, к тому же иностранцем: он приехал из Европы с 240 долларами в кармане и первый свой доллар в Америке заработал на уборке снега.

Все, с кем я беседовал при подготовке этой книги, сходились в одном: никто из них не знал ни одной другой судьбы, напоминавшей судьбу Зигги хотя бы отдаленно. Хотя все

опрошенные говорили о его чудесном спасении после многолетних страданий Холокоста, больше всего они подчеркивали то, как ему удалось преодолеть эти трагические события и стать значимой фигурой в американском бизнесе. Хотя его рост составлял всего около 160 сантиметров, все описывают его мощь и бесстрашие перед лицом грозных соперников. Один из его бывших коллег за достижения сравнил его с Давидом — воином небольшого роста, который благодаря гибкости и точности поверг гиганта Голиафа и стал царем Израиля, — и предположил, что триумф Зигги над врагами-антисемитами был не менее поразителен, чем победа его библейского прототипа.

Судя по сохранившимся записям публичных выступлений Зигги, он обладал и вдохновенным голосом царя Давида. Ораторские способности Зигги один его бывший партнер назвал «шекспировскими». Например, когда его первым из переживших Холокост пригласили выступить перед офицерами и кадетами в Военной академии США в Вест-Пойнте, его речь, согласно газете *New York Times*, носила «яркий» и «личный» характер: он так красноречиво описывал ужасы Освенцима, что плакали и кадеты, и закаленные ветераны. Его голос, четкий и ясный, несмотря на заметный немецкий акцент, в тот момент дрожал от передаваемых эмоций. Он хорошо понимал, когда поднять палец, чтобы заострить внимание, когда остановиться, когда схватиться руками за трибуну, когда наклониться вперед к слушателям для достижения эффекта интимности. Зигги выступал так же, как жил: всем своим существом проявляя повышенное внимание к деталям и изо всех сил стараясь просветить своих слушателей, и те уходили с этих встреч вдохновенными как этим человеком, так и его речью.

Клиенты, друзья и партнеры по бизнесу описывали его с тем энтузиазмом, который обычно берегут для мировых лидеров, не скупясь на такие эпитеты, как «незабы-

ваемый», «вулканический», «гениальный». Другие называли его «непреодолимой силой природы» и «самым блестящим из всех, кого я встречал». Но никто не забывал добавить в его описание ту черту, которая, как всем было известно, значила для него больше всех остальных: он пережил Холокост.

Хотя представить полную картину всего, что испытал Зигги во время Холокоста, уже было серьезной задачей, еще большей проблемой стало описать его перерождение после освобождения в одну из главных фигур в бизнесе послевоенной Америки. Каждый партнер, конкурент или сотрудник Зигги, опрошенный для этой книги, жаждал поделиться своей любимой историей о нем, и каждая из этих поразительных, часто забавных, а порой шокирующих историй добавляла свои штрихи к портрету сложного человека, для которого ценность жизни была в том, чтобы осуществлять неосуществимые мечты и побеждать непобедимых врагов.

Зигги не боялся никого; для него не существовало слишком опасных соперников. Например, когда Совет управляющих Федеральной резервной системы — центральной банковской системы правительства США — обязал его избавиться либо от нефтегазовой компании, либо от банка, Зигги подал в суд, став первым в истории человеком, решившим судиться с Федеральной резервной системой. Выиграть эту войну он не мог, но его обуревало стремление вести праведные битвы. Прошло уже полвека, а этот примечательный случай до сих пор проходят в юридических вузах.

В жизни Зигги многое объяснялось тем, что он пережил Холокост. Однако в неудержимом стремлении бывшего узника и иммигранта забыть о горьком прошлом и построить лучшее будущее можно найти универсальный, вдохновляющий и подлинно гуманистический смысл.

1

ОБЕЩАНИЯ

Утром 12 декабря 1947 года, когда начиналась одна из самых холодных зим в истории Америки, пассажиры океанского лайнера «Марин Флетчер» высыпали на палубу поглядеть на статую Свободы, которая встречает прибывающие корабли, воздевая факел свободы на тридцать метров в небо. «Жизнь в Америке прекрасна, — пели они, взявшись за руки, — цветы здесь красивее, жизнь намного легче...» Пароходу водоизмещением 36 600 тонн потребовалось тринадцать дней на маршрут из немецкого Бремерхафена.

Двадцатиоднолетний Зигберт Вильциг страдал от головокружения и тошноты и за две недели океанского путешествия сильно потерял в весе. Услышав возгласы радости, он с трудом выбрался на верхнюю палубу и сделал глубокий вдох. Свежий воздух был настоящим облегчением после дурных запахов, неизбежных в условиях переполненной людьми нижней палубы. Зима соткала за статуей Свободы серебряную сеть из снега и облаков; ни одного здания не было видно, и в утренней дымке все его внимание приковывала зеленоватая, начавшая окисляться Свобода. Двигатели «Марин Флетчер» продолжали работать, и палуба под его ногами пульсировала и гудела. Статистика, собранная

после освобождения, показывала, что практически все евреи, отправленные в Освенцим, умирали в течение четырех месяцев. Но он был жив и попал в Америку — после почти двух лет, проведенных в этом концентрационном лагере.

Пароходы были слишком велики, чтобы бросить якорь на острове Эллис, так что портовые огни указали «Марин Флетчер» путь к причалу в миле от него — в проливе Веррацано-Нарроус. К левому борту швартовались паромы, забирали пассажиров и их поношенные чемоданы и доставляли на остров Эллис, где оформлялась процедура иммиграции.

Зигберт был молод, но годы в концентрационном лагере научили его, что часто внешний вид может стать вопросом жизни и смерти. После освобождения он заработал немного денег и приобрел модную фетровую шляпу, зимнее пальто и строгие брюки, что помогло ему войти в офис миграционной службы с достоинством, несмотря на изматывающее путешествие через Атлантический океан. Окна в одноэтажном зале прибытия были закрыты из-за зимнего мороза. Трехлопастные металлические вентиляторы, прикрученные к деревянным стенам, гнали зловонный воздух. Зал украшали застекленные портреты американских президентов. Зигберт приостановился, чтобы изучить собственное отражение и так причесать густые черные волосы, напоминавшие львиную гриву, чтобы добавить лишний дюйм к своему скромному росту.

Сотрудники миграционной службы увидели в его паспорте пометку об особом правительственном статусе, которую он получил благодаря работе на Службу военной контрразведки США, и сразу же его пропустили. Зигберт — позднее сменивший имя на Зигги Берт Вильциг, посчитав такой вариант менее европейским и более удобным для произношения, — взглянул на толпу собравшихся за деревянным барьером, который отделял Америку от остального мира. Там оставалась его старшая сестра Дженни,

которая больше других родственников напоминала их любимую покойную мать. Увидев сестру, он сразу вспомнил весну 1936 года, когда ему, Дженни и другим членам семьи пришлось бежать от нападения антисемитов из Кроянки в Западной Пруссии¹. Когда сгустились сумерки, семейство Вильциг забралось в полувагон и отправилось в Берлин, где родственники устроили их в трехэтажном доме на Георгенкирхплац рядом с большой площадью Александерплац.

Когда семья устроилась на новом месте, Зигберт одолжил велосипед брата Эрвина и стал ездить по Берлину. Прислушиваясь к разговорам в кафе, он узнал, что некоторым удавалось уехать из Европы, обзаведясь выездными визами. Зигберт посетил с десяток консульств в поисках черных ходов и открытых окон, через которые можно было бы украсть необходимые документы. В одном консульстве он видел, как женщина на последних неделях беременности прорвалась через полицейское оцепление и вбежала внутрь. Консульства были островками безопасности, не подчиняясь германскому праву, и родившийся там ребенок мог свободно эмигрировать. Эта женщина отчаянно хотела спасти свое дитя, даже если для этого нужно было рожать в общественном туалете.

За несколько следующих недель Зигберт, рискуя жизнью, залезал на стены посольств, вламывался в конторы и собирал резиновые печати. При помощи украденных инструментов ему удалось подделать три визы. Две из них он предложил родителям, но его мать Софи отказалась. «Здесь я родилась, — сказала она, — здесь я и умру». Ее визу Зигберт отдал старшему брату Джо, которому удалось освободиться из концентрационного лагеря Дахау. Зигберт пони-

¹ Ныне город Краенка в Польше. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. автора.*

мал, что Джо уже обречен и ему нужно покинуть Германию как можно быстрее. В юности Джо был боксером, и, судя по некоторым письмам из архива Вильцигов, Зигберт мог написать в визовой анкете, что виза выдана «для участия в спортивных состязаниях».

Его сестра Дженни была беременна, и Зигберт настоял, чтобы они с мужем, которого тоже звали Джо, приняли две оставшиеся визы. 10 июня 1940 года, когда гитлеровские войска маршировали по Франции, Бельгии и Нидерландам, Дженни и Джо уехали из Германии и поселились в Шанхае. Из Китая они впоследствии переехали в Доминиканскую Республику, где оказались среди восьмисот евреев, которым было предоставлено временное жилье в городе Сосуа на севере страны, и сводили концы с концами, заведя молочную ферму.

Среди английских книг и журналов, продававшихся в убогих магазинах Сосуа, Дженни обнаружила экземпляр американского справочника «Желтые страницы» (Yellow Pages). Она купила его за три доллара и стала искать названия ювелирных магазинов, рассчитывая, что ювелиры будут достаточно состоятельны, чтобы предоставить гарантийное письмо о финансовой поддержке для нее и мужа. В разделе «Ювелиры Род-Айленда» она нашла еврейскую фамилию Сильверман и отправила письмо с изложением их ситуации. Через несколько недель был получен благоприятный ответ от господина Сильвермана, который согласился предоставить необходимые документы, так что вскоре Дженни и Джо уехали в Соединенные Штаты.

Воссоединившись с Зигбертом в Америке, Дженни сообщила ему трагическую новость: их пятилетняя дочь Маргит умерла от оспы еще в Шанхае, до переезда в Доминиканскую Республику. Зигберт вспомнил, как умирали сотни других детей, как их загоняли в газовые камеры и сжигали их мертвые тела в печах крематориев, и мысленно провел пе-

рекличку своей семьи¹. Он был жив. Дженни и ее муж были живы. Их братья Джозеф и Эрвин тоже смогли спастись. Все остальные погибли, включая четырех других братьев и сестер и их детей. В последующие годы он посчитал точнее: погибли пятьдесят девять членов их семьи.

В потайном кармане чемоданчика Зигберт спрятал двести сорок долларов. Порывшись в кармашке, он вынул оттуда сорок долларов и бережно передал в руки Дженни, наказав купить на них билет на автобус, посетить мистера Сильвермана из Род-Айленда и выразить личную благодарность человеку, который помог ей попасть в Америку. Дженни попыталась отказаться от подарка, говоря, что у нее есть и собственные деньги, но Зигберт настоял, чтобы она взяла эти сорок долларов и навестила своего благодетеля. Благодарность — это отличительная черта вежливых людей, особенно евреев, которым повезло попасть в Америку благодаря помощи других.

В течение двух лет после переезда Дженни и Джо в Америку она нашла работу на фабрике на Лоример-стрит в Уильямсбурге, полном беженцев районе Бруклина. На сборочной линии по производству галстуков-бабочек Дженни работала «переворачивательницей». Она получала открытые с одной стороны шелковые галстуки, вставляла под шов металлическую стрелочку, похожую на автомобильную антенну, и выворачивала бабочки наизнанку. Когда шов был готов, она металлическим прутиком выворачивала бабочку обратно, тем самым скрывая стежок. Такова была ее работа: шесть дней в неделю, двенадцать часов в день.

¹ Узников, отобранных для уничтожения в Освенциме, заставляли раздеться догола, запирали в газовые камеры и умерщвляли газом «циклон-Б». После убийства уборщики из числа заключенных вытаскивали трупы из газовых камер, отрезали женщинам волосы для набивки матрасов, щипцами вырывали золотые зубы и сжигали тела в ямах и печах крематориев. Пепел использовался для удобрений или просто выбрасывался.

У иммиграционного отдела Зигберта встречала и представительница ХИАС — Общества помощи еврейским иммигрантам (Hebrew Immigrant Aid Society, HIAS), которую можно было легко опознать по белому эмалированному значку в петлице жакетки и темно-синей нарукавной повязке. ХИАС существовало с 1881 года, но никогда еще им не приходилось проявлять такую активность в деле приема и обустройства еврейских иммигрантов, как после Второй мировой войны. «Окончательного решения» — нацистского плана по искоренению еврейской нации — удалось избежать 150 тысячам беженцев. Теперь они направлялись в Америку, и всем им нужно было где-то жить. Сотрудница ХИАС объяснила, что им удалось найти для Зигберта бесплатную комнату в отеле «Марсель» в Гарлеме на первые несколько месяцев. Его сестра Дженни предлагала ему пожить с ней, но перспектива жить отдельно манила Зигберта больше, чем делить скромную квартирку с сестрой. Он только что прибыл в Америку — и здесь он будет выдвигать свои условия. Он поцеловал сестру на прощание и обещал позвонить сразу, как только обустроится.

Он вышел из здания иммиграционного центра и попал в самую ужасную снежную бурю за много лет. Сев на паром, он вскоре прибыл на Манхэттен. Буря так усилилась, что волонтерам ХИАС пришлось воспользоваться санями, чтобы перевозить чемоданы от дока к ожидающим автобусам. Зигберт сел в автобус компании «Грейхаунд» и часом позже сошел на углу Бродвея и 103-й улицы, где располагался отель «Марсель». После кризиса фондового рынка 1929 года одиннадцатизэтажный отель в стиле бозар¹, построенный из кирпича и известняка и увенчанный наклонной мансардной крышей, потерял значительную часть своей привлекатель-

¹ Бозар — стиль архитектурного историзма, распространенный на рубеже XIX–XX вв. и продолжавший традиции Ренессанса и барокко. — *Прим. пер.*

ности. Ныне сорокалетнее здание стало обветшавшим перевалочным пунктом для беженцев.

Осмотревшись в вестибюле, Зигберт увидел залы переговоров, пространство для отдыха, комнату для медосмотра и кошерную столовую: подававшаяся здесь еда соответствовала диетическим требованиям иудаизма. В вестибюле одновременно разговаривали на десятке языков. Он подошел к доске объявлений и прочел предложения для иммигрантов о бесплатных уроках английского языка и сеансах фильмов, которые помогут им сориентироваться в жизни в Америке. В углу вестибюля висела огромная карта США, а рядом большими буквами было написано: «ВОТ ТАК ВЫГЛЯДИТ АМЕРИКА». К стене были прикреплены фотографии с городскими видами; ленточки от них вели к соответствующим местам на карте. Он видел, как прибывающие выстраиваются в очередь перед столом, где волонтеры распределяли платья и костюмы. Затем новоприбывших сопровождали в их номера. Многие из них впервые за долгие годы могли держат в кармане ключ от собственного жилья [1].

Зигберт выглянул из окна и увидел торопящихся домой пешеходов, которых слепил снег. Возбуждение, охватившее его от приезда в Америку, отступило: его место начала занимать суровая реальность.

«И что теперь?» — подумал он. У него не было ничего: ни ресурсов, ни связей. Он говорил с сильным немецким акцентом, окончил только начальную школу, имел рост 157 сантиметров и никак не мог забыть годы пыток и голода. Но он был здесь, все еще дышал и смотрел из окна на покрытые снегом улицы Нью-Йорка. По сравнению с прошлым он очутился в раю. Поездка на автобусе в Гарлем с острова Эллис была раем. Районные магазинчики, жилые небоскребы, грузовики с пивом — все это было раем. Комната с неприятным запахом в переполненном отеле с тараканами, бе-

гающими по обшарпанному деревянному полу, сильный снегопад за окном, двести долларов, остававшиеся у него в кармане и грозившие быстро закончиться, если он не найдет работу, — все это было раем. На улице у отеля усталые пешеходы боролись с сильным ветром и высокими сугробами, что вызывало у Зигберта неприятные воспоминания о других суровых бурях, когда умирающие от голода мужчины и женщины плелись вперед в маршах смерти, одетые лишь в тонкие лагерные робы. Транспорт на нью-йоркских улицах стоял в пробках, водители постоянно гудели в клаксоны, нетерпеливо стремясь добраться до места назначения. Даже 21-летнему иностранцу вроде Зигберта было очевидно, что американцы, никогда не сталкивавшиеся с концентрационными лагерями, были во всех смыслах живыми людьми, целеустремленно двигавшимися к будущему и имевшими о нем довольно ясное представление. Это ему нравилось. Он тоже может стать таким: хвататься за возможности и не позволять тьме прошлого лишить его светлого будущего.

В этот критический момент своей новой жизни Зигберт дал себе три обещания. Во-первых, он никогда больше не будет голодать. Во-вторых, он женится на еврейской женщине, они заведут детей — новых евреев. В-третьих, он сохранит память о Холокосте и никогда не будет молчать, столкнувшись с несправедливостью. Иллюзий по поводу этих обещаний он не испытывал. Он понимал, что не сможет изменить мир, что антисемитизм никуда не денется и евреев всегда будут преследовать. Это был обычный порядок вещей. Но Всемогущий уже спас его, и теперь ему необходимо было свести воедино те куски, на которые распалась его жизнь, и возвести из них здание пока еще непонятных размеров и формы.

Глядя вниз из окна своего номера в отеле «Марсель», Зигберт вспоминал об обещании, которое дал после освобождения. Его лучшим другом в Освенциме был молодой парень

шестью годами его старше по имени Лотар Нартельски. Зигберт обещал Лотару, что, добравшись до Америки, навестит его родителей. Судьба Лотара была печальной. Он родился с одной ногой слегка короче другой и при ходьбе прихрамывал — в 1932 году этого оказалось достаточно, чтобы отказать ему в выездной визе вместе с родителями, поскольку тогда в большинстве государств отказывались принимать беженцев с физическими повреждениями, которые не могли работать. У родителей Лотара не было выбора: если они хотели спасти ребенка, им нужно было покинуть Германию и попытаться устроить для него какую-нибудь визу. Чета Нартельски препоручила Лотара заботам другой семьи, порыдала над его будущим и спешно заказала билеты на пароход в Америку. В какой-то момент, уже в Нью-Йорке, Нартельски сменили фамилию на Нартель и переехали в дом в Бронксе — в нескольких станциях метро от гостиницы «Марсель».

Сотрудник ХИАС в гостиничном вестибюле объяснил Зигберту, как работает система нью-йоркского метро. Он застегнул пальто на все пуговицы, чтобы как-то спастись от холода, дошел до ближайшего входа в метро, опустил пятицентовик в деревянный турникет, сел на подошедший поезд и доехал до конечной станции ветки — Ван-Кортландт-парк. Найдя дом Нартелей, он постучался. Ему открыла Кэти, жена Джейкоба Нартеля. Нартели знали о Зигберте из писем сыну, и, когда он представился, Кэти закричала: «О боже, Джейкоб! Это Зигберт! Он здесь!»

«В те дни люди все еще открывали двери незнакомцам, — вспоминал Зигги в одном из интервью. — У Нартелей была небольшая квартира с тремя спальнями, сиявшая чистотой, как это принято у немецких евреев. Отец Лотара Джейкоб продавал галстуки. Он делал это повсюду: в парикмахерских, в обувных магазинах, три галстука там, пять сям, дюжину еще где-то. Увидев меня, они были поражены,

но какой же потрясающий был ужин! Они хотели знать все: что случилось, как выжил их сын, как уцелел я».

Зигберт до того вечера еще никому не рассказывал свою историю. Что могли понять Нартели или кто угодно еще в рассказе о концентрационных лагерях, о вшах и грязи, о пытках, голоде и грудах мертвых тел? Барьер в понимании между теми, кто был в лагерях, и теми, кто этого избежал, был непреодолим. В 1940-х годах люди привыкли к фильмам о войне — Голливуд разрабатывал эту тему уже много лет, но у всех фильмов были начало, середина и конец. А для тех, кто пережил Холокост, «конца» не было. Однако Зигберт пообещал Лотару, чья виза была еще не готова, что найдет его родителей и расскажет обо всем, — и вот он рассказывал. Они должны были узнать.

Как и много лет спустя для фонда Стивена Спилберга Shoah Foundation¹ — крупнейшего архива воспоминаний выживших — и на десятках лекций для других организаций, которые он читал всю жизнь, он проглотил боль и стал рассказывать свою историю.

¹ Шоа — ивритское название Холокоста. Основанный Стивеном Спилбергом в 1994 г. «Фонд визуальной истории переживших Шоа» — некоммерческая организация, занимающаяся проведением аудиовизуальных интервью с теми, кто пережил Холокост или был его свидетелем. Сейчас организация располагается в Университете Южной Каролины и известна как Shoah Foundation.